

недостойным, нежели достойным богатства роздает, которым делом смута и мятеж в государстве делаетца, коли честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откиненные, а мелькие люди бывают подвызшенные. Через такую смуту он, чесной римлянин Нумус, убиты был, чтоб за убитьем его был приступ к достоинству человеку глупому, Сатурнинем нареченному.

Хотение бо възбужает просужих и честных людей до соединенья единомысленного, чтоб меж себя розделили достоиньства, не припускаючи к ним иных мельких людей. А притом приходит государство до власти немногих людей, которая власть не есть розна от мучительства.

Которой убо властель на богатства хотящи есть, тот миру завидлив и нелюбы есть. А притом иноземцом больши, нежели своим, здоровья своего верит, и те дела исполняет, которые до укрепления государства его помешкою бывают. А после того мир до кручины и до безразумия пришедши за те насильства и бедности свое промышляет над теми людьми, которые власть свою над ними ширили. Как ся то совершило над сынами Писистратеса мучителя, которые для своего чесного и завидливаго государствания побитыми были.

Достойная и пригожа видица она мова Аристотелья философа, который советовал людям мельким начальничества и власти отдавати, сиречь таковым, которые бы в убожестве и в недостатку преже жили, а до богатьства опять пришедъши, чтоб гордыми и спесивыми не были.

Худо таково ж деетца в том государьстве, где боляре не возмогут волно молыти о делех надобных, которые бы были к корысти добреи государьству, бояся тех, которые меж собою соединенье и единомысленье имевши, всякие дела по своей воле делают, которая воля убытком была Димостину, риторю греческому, коли Александр, царь македонский,¹ образцом волности в греческие государства с воинском въехал и Алены, славны город, взяти и овладети хотел. После оправдался бояром и миру атеиненскому через грамоты и через послы свое, что того не зделал для того, чтоб им волность или волю отняти хотел и город в неволю взяти, но что он десяти мужей атеиненских боляр не ради видел и кручинился на них о том, что всегда в думе непригоже воспоминали его и лаяли ему. И коли б те боляре были ему отданные, и он бы зделал то, что от осады города отступил и мир от голоду и от войны освободил. А наперед хотел Димостина, ратора и сладкоглаголиваго мужа, над которого в оно время не имело греческое государство лутчего и славнаго, а к нему еще иных десяти мужев. Различные о том думы у боляр были. Одни хотели и молыли о том, что лутчи сколько человек потеряти — всем целым остатца. Те опять произволити на то не хотели, которых Александр царь для казни хотел себе отдати, и одва о том смели говорити того для, что за смертью их иные все начались целыми в здоровью остатца. И уже было издуманно отдати их царю Александру, коли бы был Димостинес сладкославец такую басню хитрости царя Александра не объявил и теми словы атеинским бояром и миру говорил: „Волк николи пастырем, которым в их береженью обманити хотел, советовал о том, чтоб с ним подружился в брацкой любви, которую любовь меж собою совершили таковым делом, чтоб все собаки, которые виною были всякой недружбы и нелюбви меж ими отдали вольку, которые берегли овец. Тогда волк, отнявъши себе страх и боязнь, всю животину не токмо до сытости

¹ В рукописи лакедимонски.